

Вопросы тут будут множиться бесконечно. Там же не один Глобачев такой был. Остальные были ему под стать. Перефразируя Ивана Солоневича, это было руководство импотентов. Потому и результат такой вышел. Да и не могли эти люди достичь ничего иного, потому что жили в блаженной уверенности, что все как-нибудь само собой наладится. В Государственной думе измена, народ в столице бастует, а у этих – все хорошо, незначительные временные сложности.

В Петрограде начинается бунт, который сопровождается характерными требованиями «Долой самодержавие!» и «Долой войну!» Царь уезжает в Ставку. Его почему-то совсем не тяготит обстановка в столице. Он почему-то хочет верить, что в Государственной думе его очень любят. А есть еще и революционные партии, которые его очень сильно не любят. И подобная обстановка может быть ими сполна использована для своих целей. Тем более что начинаются стычки демонстрантов с казаками и полицией. Это уже революционная ситуация в классической форме. Уже и всеобщая забастовка началась. Его величество никак не реагирует.

Солдатская демонстрация в Петрограде
в феврале 1917 года

Те, кому по должности надлежало принимать меры по локализации напряженности в городе, продемонстрировали полную немоощь. Градоначальник Балк скорбно сообщил командующему Петроградским округом генералу Хабалову, что он не в силах остановить беспорядки. Не будем мелочными и обойдемся без вопроса, что вообще был в силах сделать этот самый Балк, кроме бесконечного надувания щек. Это теперь уже не принципиально. Давайте представим себе такую же ситуацию в октябре 1941 года. Возглавляющий Москву товарищ Щербаков докладывает генеральному секретарю партии товарищу Сталину, что в столице неспокойно, бунты, забастовки, но он ничего с этим сделать не может и беспорядки будут продолжаться. Что последовало бы в таком случае? Правильно. Через десять минут после выхода из кабинета лучший друг советских детей товарищ Щербаков был подло сражен пулей коварно прокравшегося в Кремль бразильского-алжирского шпиона. А потом бы шеренгами вставляли к стенке соратники Щербакова, что не уберегли его бесценную для партии и народа жизнь.

А. П. Балк. Градоначальник
Петрограда в 1917 году

Напрасно кто-то думает, что я с изрядной долей ехидства изобразил невозможную в реальной жизни картину. В Москве осенью 1941 года действительно было беспокойно. Не так, конечно, как в интересующем нас в данный момент Петрограде в феврале 1917 года. Но все же было беспокойно. И как действовал градоначальник, то есть руководитель города? Докладываю. 17 октября 1941 года бюро Московского горкома партии снимает с постов первых секретарей Коминтерновского и Ленинградского райкомов и исключает их из партии за неподобающее поведение в нынешних условиях. На следующий день под трибунал ровной шеренгой отправляется группа работников Московского горкома, в панике бросившая на Курском вокзале совершенно секретные личные дела руководящих работников Москвы и области. Еще через день под трибунал не менее ровным строем пошли отдельные директора московских заводов, пытавшиеся бежать из города. Разницу между Балком и Щербаковым, полагаю, далее приводить уже не нужно. Все очевидно.

У Николая таких людей не нашлось. И сам он был неспособен на подобные действия, даже когда на повестку дня встала судьба страны. Он спокойно читает телеграмму председателя Государственной думы Родзянко о том, что в столице наблюдается анархия. Приказа военным немедленно навести порядок не следует. На-

прасно кто-то считает, что офицеры не ждали такого распоряжения. Напоминаю, что полковник лейб-гвардии Преображенского полка Кутепов (та самая будущая легенда русской контрреволюции) показал, что можно было бы изменить ситуацию, будь на то воля, облаченная в четко отданные распоряжения. Но их не последовало. Армия же постепенно переходила на сторону восставших.

Апогеем этого можно считать историю старшего фельдфебеля лейб-гвардии Волынского полка Кирпичникова. Либеральная пресса с восторгом потом будет писать, что Временное правительство награждает его за убийство офицера, которое послужило фактическим началом Февральской революции. Истинный подвиг! Поэтому когда те же самые либералы, только сегодняшние, начинают рассказывать, что офицеров начали истреблять только при большевиках, относитесь с сочувствием к очередному проявлению безграмотности. Кровавая вакханалия началась задолго до этого.

В столице захватываются тюрьмы. Всех выпускают на волю. Город сотрясает волна страшнейшего бандитизма. Но чрезвычайное положение

Старший фельдфебель лейб-гвардии
Волынского полка Кирпичников был
повышен в звании за убийство офицера

с комендантским часом опять не вводятся. Я не знаю, чем это можно объяснить. Должен был сработать элементарный человеческий защитный рефлекс. Наивно полагать, что порядок нельзя было бы восстановить. Условный Собственный Его Императорского Величества Конвой при поддержке пары офицерских батальонов, применяя особые полномочия, оперативно восстановил бы статус-кво. Да, проливая кровь и расстреливая пленных без суда. Но до сантиментов ли, когда на карту поставлена судьба воюющей страны?

А вместо этого Дума получила указ императора о роспуске. Формально это было выполнено, но подавляющее большинство депутатов никуда не ушли, продолжая теперь уже кулуарные заседания все с той же повесткой дня. Параллельно ЦК РСДРП публикует свой манифест к гражданам России о необходимости немедленно создать Временное правительство. Это уже скоро произойдет. Пока же создается Временный комитет Государственной думы со знакомыми всем лицами: Милюков, Керенский, Шульгин. Трехсотлетняя династия Романовых доживает свои последние часы.

Члены Временного комитета Государственной думы. Стоят: В. Н. Львов, В. А. Ржевский, С. И. Шидловский, М. В. Родзянко (председатель); сидят: В. В. Шульгин, Б. А. Энгельгардт, А. Ф. Керенский, М. А. Караулов

Не выдержал уже всеобщую немощь генерал Алексеев. Он предложил Николаю II немедленно бросить на Петроград сводный офицерский отряд, наделенный самыми широкими особыми полномочиями. В тот момент еще было не поздно. Условный полковник Тимановский прошелся бы по восставшим таким свинцовым катком, что мало бы никому не показалось. Вы думаете, что раненный 17 раз на фронте «Железный Степаныч» сомневался хотя бы секунду в необходимости подобных решительных действий? Да полноте! Он бы, выражаясь советским языком, взял встречные социалистические обязательства и выполнил пятилетку в четыре года.

Однако вместо этого – бесконечные телеграммы друг другу, совещания, мысли о спасении русской монархии. В столице уже бывшая Государственная дума всю полноту оставшейся в стране власти взяла в свои руки, а в Ставке Николая все шли пустопорожние разговоры да споры. Уже и генерал Алексеев понимает, что время для подавления восстания упущено. Теперь – все. Весь вопрос – через сколько дней государя императора попросят на выход. И закономерный итог не заставил себя ждать.

Н. С. Тимановский — «Железный Степаныч»

К Николаю II едут представители Государственной думы Гучков и Шульгин.

Злая ирония судьбы. Отречение последнего российского самодержца примут один из самых убежденных монархистов, пусть и конституционный, и один из самых ярких националистов империи.

Никаких немцев, англичан, большевиков, масонов, евреев, юкагиров и иных заговорщиков против династии Романовых не наблюдалось. Был еще, конечно, граф Фредерикс, но его очень трудно отнести хоть к одной из перечисленных выше групп. Впрочем, для альтернативно одаренных умов преград не существует. Это доказывалось ими многократно.

Вот мы и подошли к самой поразительной части этой истории. Уже в XXI веке нашлись люди, которые стали доказывать: никакого отречения не было. Все – сплошное советское вранье, настоянное на лживости времен Февральской революции. Все известные экземпляры отречения – фальшивки. Царь не мог так просто отказаться от престола. Его обманом, хитростью и угрозами к этому принуждали, но он во всем разобрался и намекнул потомкам: подписываю отречение карандашом, а вы – люди сообразительные, все поймете. Шах и мат.

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Хорошо, допустим, все поголовно оказались мерзавцами и подлецами. Если

бы отречение принимали условные Милюков и Львов, было бы сильно проще. Но в данном случае при этом историческом событии присутствовали совсем другие люди. Шульгина при жизни критиковали много и обвиняли в разном. Но никто и никогда не говорил, что он участвовал в грандиозном историческом подлоге. До этого умудрились договориться только наши современники.

Гучкова люто ненавидели в Белом движении и после в эмиграции. Вспомните старый советский сериал «Хождение по мукам». Там один участник Ледяного похода говорит другому: «А вот спаситель отечества Гучков. За неимением лучшего держим. Но в свое время будет расстрелян, можешь быть покоен». И это не фигура речи – ровно так к нему и относилось русское офицерство. Хотя бы за легализацию положений знаменитого Приказа № 1, о котором мы еще поговорим далее. Но, повторяю, никто и никогда не утверждал, что Гучков участвовал в историческом подлоге.

Граф Фредерикс – убежденный монархист. Последний министр Императорского двора Российской империи. Прожил после революции

В. В. Шульгин (третий слева) в момент отречения. Ирония судьбы: он был убежденный монархист

еще 10 лет. У него была масса возможностей разоблачить невиданную в мировой истории подлость: обманули помазанника Божьего. Нельзя утверждать, что он круглые сутки находился под контролем чекистов. Во-первых, реалии начала 1920-х годов были несколько иными, чем в 1937-м. А во-вторых, граф Фредерикс в 1924 году покинул родину и переселился в Финляндию. Выражаясь языком монархистов – что нынешних, что прежних, – в страну, свободную от красной заразы, от коммунистической сволочи. Рядом – хорошо знакомый графу генерал Маннергейм. Вопрос: кто мешал Фредериксу сорвать покровы и разоблачить отречение, которого якобы не было?

Предвижу глубокомысленное закатывание глаз монархистов и брошенную через губу фразу: граф Фредерикс к старости стал скорбен главою. Именно поэтому и не разоблачил подлейшее преступление против русской государственности. Давайте на минуту согласимся с этим сильнейшим утверждением. Что же тогда получается: государь император на протяжении 20 лет упорно держал министром своего двора умалишенного? На мой взгляд, это оскорбляет

Граф В. Б. Фредерикс.
Министр двора Николая II

память Николая II, которую эти самые монархисты старательно оберегают. Но это полбеды. Гораздо страннее это выглядит в свете того, что многочисленные свидетели событий, начиная с генерала Тихменева, ни о чем подобном не писали. Да, многие наблюдали некоторые странности в поведении графа. А у кого их нет? Я вот, к примеру, могу с несказанным интересом рассматривать клейма на военно-исторической миниатюре. Для кого-то это выглядит странно. Так вот, граф Фредерикс имел полное право к старости быть слегка не в себе. Но явно не настолько, чтобы, присутствуя при историческом событии, не увидеть, что кругом измена, трусость и обман.

Этим словам Николая II выпала счастливая жизнь. Кто только их не цитировал за прошедшие 100 лет! Кто только не искал в них вдохновения для описания роковых событий Российской империи! Но почти все старательно обходят один незначительный нюанс: а кто виноват? В самом деле, кто виноват, что в тяжелейший для страны момент не нашлось никого, кто взял бы на себя ответственность за веру, царя и Отечество? Кто держал на должности петроградского градоначальника Балка? Кто не разогнал Государственную думу сразу после речи Милюкова? Кто упорно не хотел принять единственно здравый план действий, предложенный генералом Алексеевым? Да, кругом измена. Тут не поспоришь. Но трусость-то – чья? И чей обман?

Я неслучайно столько раз вспоминаю Михаила Васильевича Алексева. Имя блестящего русского генерала смешали с грязью – что в эмиграции, что в современной России нынешние монархисты. Это, безусловно, проще, чем читать документы и делать соответствующие выводы. Во всем виноват генерал Алексей. Да он один из немногих, кто пытался остановить роковой для династии ход истории. И не вина его, а трагедия в том, что ничего не вышло. Незадолго до своей смерти в 1918 году он скажет Тимановскому: «Если бы я знал, что все произойдет так, то действовал бы иначе». Понять ход мысли генерала совсем несложно.

А что же монархисты? Их ведь было большинство в империи. В одном только Союзе русского народа состояли миллионы. Что они сделали для сохранения монархии? Ничего. Никто. Потом в эмиграции, например, Марков Второй будет писать гневные статьи про подлецов, не захотевших спасти династию. Я с этим абсолютно согласен. Да, подлецы. И мерзавцы. Да простит меня покойный Владимир Вольфович за использование его любимых характеристик.

Н. Е. Марков (Марков Второй)

Я даже сочувственно потуплю взор. А потом тихонько спрошу: а что сделал сам Марков Второй? Формировал ли вооруженные отряды, чтобы вернуть Николая на престол? Собирал ли всенародное вече? Призвал ли членов своего союза к немедленной мобилизации? Нет, нет и нет. А что же сделал Николай Евгеньевич? А он сбежал в чужом пальто из Петрограда в Москву. Еще раз: человек, лично присягнувший на верность государю императору, вместо того чтобы его спасти, сбегает в Москву.

Вы только вдумайтесь в это! На протяжении десяти лет Союз русского народа клялся в верности и преданности лично императору. И вот настает судьбоносный момент: государь отрекается от престола. В этот момент каждый из присягнувших должен был сказать своей семье: «Родные мои, я ухожу на свою последнюю, быть может, войну. Я лично клялся в верности помазаннику Божьему, своему императору, и мне лучше погибнуть, чем пережить такой позор».

Но ничего подобного не происходило. Монархисты и националисты первыми позорно и трусливо предали своего государя. Их дальнейшие прыжки и ужимки по эмиграциям да ритуальные пляски современных деятелей перед столь же малограмотной аудиторией не способны не то что перечеркнуть этот постыдный факт, а хотя бы немного скорректировать его.

Дальнейшее прекрасно известно – «веселится и ликует весь народ». Самодержавие пало. Ух, теперь не жизнь наступит, а малина! Каждый ежедневно будет получать по сахарной голове. А может быть, и не по одной. Судьба бывшего государя императора никого не волнует в принципе. Словно и не было его. У меня вообще есть сильное подозрение, что если бы его расстреляла тогда пьяная матросня (а помешал этому только генерал Корнилов, о чем, разумеется, никто из монархистов – что нынешних, что прежних – вспоминать категорически не любит), то этого бы никто и не заметил. Не пели бы потом в кабаках «Вот уж год, как Тобольск отзвонил по царю панихиду», обливаясь пьяными и не очень искренними слезами. Кроме того, все равно бы свалили все на еврейских большевиков. На какого-нибудь очередного Пинхуса Вайнера, о котором мы еще поговорим подробнее на страницах этой книги.

Вернемся пока в март 1917 года.

В Петроград бесконечным потоком несутся поздравительные телеграммы. Милюков моментально становится мессией.

Его мессианством до сих пор потчуют нас отдельные либеральные публицисты. Но я человек,

Николай II после отречения.
На нем завершилось правление династии
Романовых